

О востребованности среди сербов даруемых Москвой богослужебных книг можно судить по особому разделу в сборнике «Записи в рукописях и книгах старой печати». Здесь собраны оригинальные записи на книгах, хранящихся в монастырских библиотеках и музеях сейчас уже не только Сербии, вывезенных сербским духовенством в качестве даров града Москвы в XVI–XVIII вв.

Вероятно, более целесообразно выглядело бы решение составителей объединить в порядке хронологии документы российских и сербских архивных собраний, а также дать

соответствующие легенды и ссылки на оригиналы и копии документов, хранящиеся в РГАДА, но представленные к публикации сербской стороной. Большой по объему том имеет сложную структуру, в конце сборника помещены словарь терминов, именной и географический указатели. Научные статьи, комментарии и подписи к иллюстрациям представлены на двух языках и рассчитаны на сербскую и русскую аудиторию.

Н.М. Рогожин,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

А.И. Раздорский. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М.: Универсальные информационные технологии, 2010. 836 с., ил.

Монография кандидата исторических наук, видного специалиста-урбаниста А.И. Раздорского посвящена изучению функционирования регионального рынка Западной России в XVII в. Она, как и другая работа автора о торговле Курска¹, опирается на тщательно выверенные приемы и методики статистической обработки материалов таможенных и кабацких книг, продолжает и развивает лучшие традиции отечественных историков, изучавших проблемы местных рынков России XVII в. — С.В. Бахрушина, К.В. Базилиевича, Е.В. Чистяковой, К.Г. Митяева, К.Н. Сербиной, А.И. Мерзона, Ю.А. Тихонова и др. Говоря о Вязьме, необходимо учесть, что город являлся узлом пересечения сухопутных дорог: через него проходили пути на Оку и Верхнюю Волгу (через Калугу и Тверь). Кроме того, некоторое время город был пограничным, и такое географическое положение делало его, несмотря на немногочисленность², преимущественно торговым, а не промышленным центром.

Монография разделена на исследовательскую и технико-вспомогательную части, где помещены регесты (таблицы) с указанием таможенных книг с 1649/50 по 1679/80 г. (всего 17) и кабацких книг с 1627/28 по 1679/80 г. (всего 22)³. Регесты снабжены 5 указателями (имен, социальных и этнических характеристик торговцев, географических названий, названий товаров, мерных и тарных единиц). В приложении к монографии приведены регесты переписной книги Вязьмы 1627 г., переписной книги оброчных статей города 1652 г., ценовая роспись вязьмского кабаков 1642 г. и список вязьмских таможенных и кабацких голов 1626/27–1680/81 гг.

Как видим, монография представляет собой синтез комплексного исследования и

формализованного воспроизведения текста источников в виде регест. Это, с одной стороны, позволяет читателю проверить статистические и логические наблюдения автора, а также дает ему возможность осуществить любые новые ходы и комбинации в исследовании разных сторон вяземской торговли, не затронутые в книге. Например, в работе с огромной тщательностью представлены статистические аспекты городского рынка общего плана, но нет такого же анализа на уровне индивидуальной деятельности участников торгового, как вязьмичей, так и иногородних иноземцев, на протяжении нескольких лет (объемы и специализация торговли, сезонная цикличность явок, случаи совместной торговли, деятельность сыновей и внуков и т.д.).

Вводный раздел монографии содержит общую источниковедческую характеристику таможенных и кабацких книг как источников по социально-экономической истории России, раскрывает их возможности для анализа динамики местной торговли, выявления рыночных связей города и т.д. Далее автор представляет подробный обзор используемых в работе вязьмских таможенных, кабацких и других документов, где отмечается их полнота, степень сохранности, рабочее предназначение (черновики, беловики) и т.д., и приводит перечень исследовательских задач, решенных на основе материала источников.

В основной части исследования Раздорский скрупулезно рассматривает различные вопросы истории вяземского рынка с середины до конца 70-х гг. XVII в. (число явок продавцов и покупателей по годам; совокупная стоимость обрабатываемых товаров с определением средней ежегодной явки товаров по стоимости; число явок и денег на покупку товаров у

местных и иногородних торговцев; география торговых связей Вязьмы; ассортимент, объем и цены обращаемых на рынке товаров и проч.). Все эти сведения приведены в 29 внутритекстовых таблицах. В результате анализа статистических данных Раздорский выделил 3 этапа развития вяземского рынка. Первый этап – до начала русско-польской войны 1654 г. – характеризовался расцветом торговли города. В это время активно функционировал пушной рынок, в орбиту которого были вовлечены торговцы и капиталы многих городов Русского государства и Речи Посполитой. Второй этап (до начала 1660-х гг.) знаменовался заметным спадом торговли и сменой основного товара, когда место пушнины заняла пенька. Этот этап завершился кризисом местной торговли. На третьем этапе (до 1670-х гг.) продолжался кризис, выражавшийся в сокращении торговых оборотов и операций рынка и сужении географии рыночных связей. После завершения русско-польской войны главенствующая роль в западнорусской и международной торговле перешла к Смоленску.

Основные торговые связи Вязьма имела с соседними городами – Осташковом, Ржевом, Тверью, Вереей, Торжком. С другими регионами контакты были слабые или вовсе отсутствовали. Ассортимент товаров вяземского рынка составляли соль, мед, скот, кожи, рыба, лук, чеснок, мясо, пенька, пушнина, москотилье и др. Наблюдалась специализация торговцев из разных городов. Например, из Вереи торговцы привозили лук и чеснок, из Осташкова – рыбу, из заочких городов – хлеб и т.д. Другие наблюдения автора о характере вяземского рынка, например, о том, что размеры оптовой торговли превышали размеры розничной, о преобладании среди участников торговли посадских людей над беломестцами и крестьянами, о колебании цен на основные товары в связи с военными действиями и с введением медных денег и т.д. не оригинальны, присущи рынкам других городов и известны в историографии. Однако они выявляют общность черт местных рынков, что попутно доказано автором.

Важным наблюдением Раздорского является то, что изучение вяземских кабацких книг позволяет обнаружить экономию казенных денег персоналом кабаков при производстве кислого меда и пива за счет смены состава и уменьшения объема закладки сырья (вместо ячменного солода стали закладывать овес). Это инициировалось кабацкими головами для поддержания уровня доходности кабаков в условиях финансового кризиса после денежной реформы. Однако автор не учел влияния государственной монополии на производство

и продажу хмельных напитков, когда там, как и во всех монополиях, осуществлялся принцип феодального насилия над законом стоимости⁴. Действительно, в государевых кабаках цены диктовались «сверху» по наказам и грамотам, в то время как в свободных незаконных корчмах они были гораздо ниже. Поэтому корчемство запрещалось и преследовалось.

Во второй части монографии, где публикуются регесты таможенных и кабацких денег, автор внес свою заметную лепту в развитие отечественной археографии, предоставив исследователям возможность ознакомиться с интересными источниками, не дожидаясь выхода в свет их традиционной публикации. Дело в том, что публикация регестов можно рассматривать как промежуточный этап в деле приближения источников к историку. При неудачном же издании такого рода документов в традиционной форме, как это случилось с публикацией таможенных книг сибирских городов XVII в.⁵, формализованная передача содержания подобных источников в виде регестов исключает грубые ошибки публикаторов, воспроизводя важнейшие статистические показатели источников, адекватно заменяя традиционную текстовую форму издания. Конечно, в передаче текста традиционным способом заинтересованы прежде всего лингвисты, филологи и историки русского языка, но историки, изучающие социально-экономическое развитие России, с огромной благодарностью воспримут такую форму издания источников, упоная на их количество и сравнительную быстроту издания.

В целом исследование А.И. Раздорского дает полную и реальную картину функционирования вяземского рынка XVII в. с учетом воздействия на него внешних и внутренних факторов. Оно, несомненно, займет достойное место в ряду современных работ по истории социально-экономической истории России этого столетия.

М.Б. Булгаков,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.

² Например, в 1678 г. в городе не насчитывалось 400 дворов посадских людей (Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 285). Известно, что большим

городом в России считался тот, в котором было 500 дворов без учета беломестных.

³ С 1652 г. кабаки стали называться кружечными дворами, а кабацкие книги, соответственно, книгами кружечных дворов.

⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 61.

⁵ Тимошина Л.А. О публикации таможенных книг в 1999–2000 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 216–222.

С. Диксон. Екатерина Великая. Лондон, 2009*

Профессор Саймон Диксон относится к числу наиболее известных специалистов Великобритании по истории России XVIII в. Взгляд на прошлое как на единый исторический процесс, в котором нельзя провести жесткие границы между сферой экономики, политики и общественного сознания, обусловил широту его научных интересов. В центре исследовательских предпочтений Диксона неизменно находилась история православной Церкви: этой тематике была посвящена докторская диссертация профессора, ряд статей и монография¹. Несколько лет назад вышел объемный труд о модернизации, охватывающий период с конца XVII столетия до царствования Николая I². Рецензируемая книга, в которой воссоздается исторический портрет Екатерины II, может считаться своеобразным итогом размышлений ученого о развитии русского общества в век Просвещения, изображенного сквозь призму судьбы одного человека – императрицы.

Масштаб и дерзость поставленной задачи осознавались самим автором, о чем он заявляет в первых строках предисловия: «Считается, что Иисус Христос, Наполеон и Рихард Вагнер стали наиболее притягательными фигурами для биографов. Можно сказать, что Екатерина Великая следует непосредственно за этими персонажами». Положение исследователя, принявшегося за историю жизни самой яркой русской императрицы, дольше всех Романовых остававшейся на престоле, осложнялось весьма внушительной традицией научных биографий Екатерины II. Только на английском языке в последние десятилетия появились 2 серьезные работы: профессора И. Мадариаги и Д. Александера³. Не случайно Диксон вынужден был сразу определить специфику своего подхода, выделяющего его работу на фоне исследований столь авторитетных специалистов. Автор показывает, что в отличие от Мадариаги, которая в своей фундаментальной монографии о Екатерине II представила всеобъемлющую картину русского общества второй половины XVIII столетия, он ограничился именно историей жизни императрицы. С другой стороны, профессор попытался иначе, чем в работе

Александера, расставить акценты и не уделять излишне повышенного внимания частным обстоятельствам ее судьбы. Таким образом, со страниц книги предстала сложная противоречивая фигура крупнейшего политического деятеля века Просвещения, масштабной личности, философа и мецената на троне и в то же время самодержца, манипулирующего придворными партиями, не гнушающегося интриг и заговоров и окруженного чередой сменяющихся фаворитов.

Несмотря на то что в книге манера подачи материала приближена к художественной (каждая глава начинается с импрессионистской зарисовки, достигает кульминации и, как правило, имеет неожиданный финал), в целом автор избрал хронологический принцип изложения. Лишь в «Прологе» нарушается последовательность событий и изображается рубежный этап в судьбе героини, разделивший ее жизнь на 2 части – коронация Ее Императорского Величества государыни Екатерины II. Затем автор вновь возвращается в небольшой немецкий город Штетин к детским годам Софи Фредерики Августы Ангальт-Цербстской.

Если большинство биографов рассматривают германский период и полтора десятилетия, проведенные великой княгиней Екатериной Алексеевной при дворе Елизаветы, лишь как прелюдию к «великому правлению» императрицы⁴, то Диксон посвящает половину своей монографии годам, предшествующим ее коронации. В центре внимания исследователя оказывается крошечный двор в Цербсте, дворы Брауншвейга и Вольфенбюттеля, прусский двор Фридриха II и, конечно же, придворная жизнь Петербурга. Действительно, в XVIII столетии двор являлся единственным центром политической, интеллектуальной и культурной жизни тонкого слоя тесно связанной между собой европейской элиты. «Россия жила тогда двором», – писал А.И. Герцен в предисловии к публикации князя Щербатова и Радищева⁵. В историографии последних десятилетий, особенно после работ Н. Элиаса и Р. Уортмана⁶, двор рассматривается как сложный социальный организм со своей системой

* Dixon S. Catherine the Great. L.: Profile Books, 2009. 448 P.